

Научная статья
УДК 821.161.1.0
DOI 10.18101/2686-7095-2024-3-53-63

**«РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ ЧЕХОВА»
В ИССЛЕДОВАНИЯХ 1990-х–2000-х гг.**

© Денисов Александр Юрьевич

аспирант,

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Россия, 119991, г. Москва, ул. Колмогорова, 1

audenisov@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются работы 1990-х–2000-х гг., заявленные как исследования «религиозно-философской мысли Антона Павловича Чехова». Выявляются методологические недостатки этих работ, главный из которых — неразличение категорий «образ автора» и «автор-творец» (по Н. Д. Тамарченко), приводящее к ложному отождествлению идей в художественных произведениях Чехова и мировоззрения самого писателя. Анализ поэтики чеховских рассказов, повестей и пьес неправомерно и нелогично оказывается в приводимых исследованиях способом уточнения отношения А. П. Чехова к философии и религии. Кроме того, в указанных исследованиях нередко игнорируется или недостаточно обсуждается вопрос о принципиальной (не)возможности влияния той или иной философской системы на А. П. Чехова с учетом фактов его биографии, круга его чтения, содержания его переписки. Методологически корректное же исследование данной темы сталкивается с ограниченностью материала. Однако тема остается актуальной для чеховедов.

Ключевые слова: Антон Павлович Чехов, чеховедение, философия, религия, идея, мировоззрение, образ автора, автор-творец.

Для цитирования

Денисов А. Ю. «Религиозно-философская мысль Чехова» в исследованиях 1990-х–2000-х гг. // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2024. Вып. 3. С. 53–63.

Советским чеховедением тема отношения А. П. Чехова к тем или иным религиозно-философским идеям, несмотря на известные ограничения, обсуждалась в связи с изучением «сферы идей» (как назвал главу в «Поэтике Чехова» (1971) А. П. Чудаков) в художественных сочинениях писателя: примерами служат и уже названная выше глава в монографии А. П. Чудакова; кроме нее, так называемая «гносеологическая концепция» прозы Чехова, высказанная В. Б. Катаевым впервые в монографии «Проза Чехова: проблемы интерпретации» (1979) [21]; до этого, например, классическая статья А. П. Скафтымова, где на материале повестей «Палата № 6» и «Моя жизнь» обсуждается отношение Чехова к толстовству и др. [22]. «Религиозно-философская мысль» же самого А. П. Чехова, мирозерцание Чехова-че-

ловека почти не становились предметом самостоятельных исследований советских чеховедов. Работы на эту тему появлялись в русском зарубежье, две наиболее известные из них — «Сердце смятенное» (Париж, 1934) М. Курдюмова (псевдоним М. А. Каллаш) и «Чехов. Литературная биография» (Нью-Йорк, 1954) Б. К. Зайцева. Однако, как отмечает А. С. Собенников, и в эмиграции не было создано претендующего на полноту исследования отношения А. П. Чехова к религии и философии и специфики обращения писателя к религиозно-философским традициям [13, с. 18]. Неудивительно, что после 1991 г. «религиозно-философская мысль Чехова» стала одной из наиболее популярных тем в чеховедении; в первые два постсоветских десятилетия на эту тему были опубликованы несколько монографий, один специальный сборник и еще один, включивший эту тему, несколько важных статей: причем авторами работ выступили как сравнительно молодые исследователи, так и уже известные специалисты. Тема эта является весьма показательной для характеристики чеховедения рубежа XX–XXI вв. в целом, поскольку, как мы покажем далее, «притягивает» ученых с весьма различными методологическими и общетеоретическими установками, а также выражает явно существующий как у исследователей, так и у широкого (и отчасти у массового) читателя запрос на выявление определенного мировоззрения А. П. Чехова, в том числе с целью определения писателя в категориях «свой — чужой» («идейно (не)близкий»).

В 2008 г. был опубликован сборник материалов по результатам международной научной конференции «Философия А. П. Чехова», прошедшей двумя годами ранее в Иркутске. Сборник можно рассматривать как попытку подведения итогов первым постсоветским опытом исследования мирозерцания А. П. Чехова и наметить перспективы и рамки для будущих исследований в этом направлении. В статье «Истинный мудрец» В. Б. Катаев писал о невозможности вывести из суждений и идей отдельных персонажей художественных сочинений А. П. Чехова мировоззрение их автора — необходимо вместо этого искать «особую концептуальную основу его художественного мира. Не иллюстрацию философских положений при помощи картин и образов, а целостное воплощение мира в свете своего “представления жизни” (определение М. Горького — *А. Д.*)» [6, с. 69–70]. Попытки вывести философию А. П. Чехова из реплик отдельных персонажей и из слов повествователя действительно часто встречаются в работах 1990-х–2000-х гг., на что реагировал В. Б. Катаев и что мы покажем далее.

Так, В. Я. Линков в монографии «Скептицизм и вера Чехова» (1995) писал, что в повестях «Огни» и «Дуэль» «Чехов сказал о ценности скептицизма (отметим здесь, что автор монографии понимает скептицизм не как известное течение в античной философии, но более общо, что не оговаривается специально — *А. Д.*), о необходимости понимания каждым человеком возможности и даже неизбежности ошибок в суждениях о другом, о том, что «никто не знает настоящей правды»...» [9, с. 43]. Во-первых, слова одного из персонажей, зоолога фон Корена, здесь при-

писываются повествователю (едва ли фон Корена можно считать выразителем авторской идеи в повести в целом); во-вторых, в целом идея повести «Дуэль» (а до этого в монографии — идея повести «Огни») отождествляется с мыслью самого А. П. Чехова через характерную конструкцию: «Чехов сказал...». Неразличение того, что в учебнике по теории литературы под редакцией Н. Д. Тамарченко разделяется как «образ автора» и «автор-творец» [15, с. 242–247], в книге С. Н. Зенкина соответственно как «внутренний» («имплицитный», «фикциональный») и «внешний» автор [4, с. 86–94], в учебнике В. Е. Хализева как «творец художественного произведения как *реальное лицо* (курсив здесь и далее принадлежит авторам цитируемых работ — А. Д.), «художник-творец, присутствующий в его творении как целом, *имманентный* произведению», и «*образ автора*, локализованный в художественном тексте, т.е. изображение писателем... самого себя» [18, с. 61–63] проходит через всю монографию В. Я. Линкова. Так, по мнению автора, если в «Огнях» и «Дуэли» «Чехов говорит о значении сомнения», то в «Скучной истории» и «Черном монахе» — «[Чехов говорит] о необходимости позитивных руководящих начал, придающих целостность человеческой жизни» [Там же]; споря с известной статьей Л. Шестова «Творчество из ничего» (1905), автор монографии утверждает, что в «Скучной истории» Чехов «делает первый шаг к преодолению действительно мрачных взглядов на жизнь, выраженных в произведениях раннего периода» [9, с. 44]: не говоря о спорности общей оценки эмоционального тона ранних чеховских сочинений как «действительно мрачных», здесь снова имеет место отождествление этой оценки с мирозерцанием А. П. Чехова в целом. Еще один пример ложной атрибуции мыслей одного из персонажей автору: по мнению В. Я. Линкова, Чехов в «Скучной истории» «сказал, что без «“общей идеи” жизнь человека безнадежно мучительна» [9, с. 46]. Конечно, это мысль не А. П. Чехова, а Николая Степановича, героя-рассказчика конкретной повести. Сам же В. Я. Линков, когда пишет, что А. П. Чехов изображает действительность «с позиции героя, привнося в нее только тот смысл, который открывает сам герой» [Там же], указывает, опровергая высказанное им же ранее, на то, что выводы чеховских персонажей не тождественны даже идеям, принадлежащим образу автора в произведении (не говоря уже об их нетождественности мыслям автора-творца).

Схожие методологические изъяны обнаруживаются в монографии А. С. Собенникова «Между “есть Бог” и “нет Бога”...»: (О религиозно-философских традициях в творчестве А. П. Чехова)» [13]. Несмотря на то, что подзаголовок монографии указывает именно на поэтику Чехова как предмет исследования, во введении А. С. Собенников формулирует не одну задачу, а две: не только выделить среди сочинений Чехова «такие, где антиномия Веры и Знания представлена наиболее ярко», но и «определить личное отношение Чехова к христианским ценностям» [13, с. 4]. Вторая задача как будто предполагает анализ скорее нефикциональных текстов (в первую очередь писем) А. П. Чехова, нежели его художественных сочинений, но в монографии мы увидим главным образом анализ рассказов, повестей и пьес и попытки на основе этого анализа судить о мировоззрении автора,

т. е. будет иметь место то же ложное отождествление образа автора в художественных сочинениях Чехова и А. П. Чехова как автора-творца. А. С. Собенников очень показательно формулирует далее свою основную задачу как стремление «произвести перекодировку образной системы... в метафизические категории» [13, с. 36]. Если даже допустить, что такая «перекодировка» может быть проведена научно, остается невозможным механический перенос тех или иных особенностей поэтики произведений автора на его мировоззрение. Однако в другом месте автор монографии отмечает, что его интересуют «особенности чеховских цитаций, чеховского диалога... те стороны художественного мышления, которые восходят... к религиозному типу личности» [13, с. 18–19]. И действительно, основное содержание монографии (несмотря на заявленные во введении более широкие планы) — это исследование чеховских художественных сочинений, их поэтики, точнее, даже весьма частного аспекта чеховской поэтики — особенностей интертекстуальных связей произведений А. П. Чехова с Библией. Важно помнить, что выявляемые при этом особенности поэтики автора невозможно буквально, механически «перекодировать» в особенности его мирозерцания. То, как писатель Чехов обращается в своих художественных сочинениях к библейским образам, как работает с ними, дает лишь частичное представление о специфике отношения Чехова к христианству в целом.

Еще одна монография, претендующая, вроде бы, на уточнение религиозно-философской мысли А. П. Чехова, — это работа П. Н. Долженкова «Чехов и позитивизм» [3]. П. Н. Долженков предлагает понимать позитивизм достаточно широко — как выражение «духа эпохи» [3, с. 5]. Это представляется проблематичным, поскольку, как отмечает и сам П. Н. Долженков, вопрос о том, что следует отнести к позитивизму, и так сложен. Во введении автор монографии весьма кратко оговаривает, насколько А. П. Чехов был (мог быть) знаком с работами философов/ученых-позитивистов, насколько мог усвоить их идеи опосредованно, в процессе обучения на медицинском факультете Московского университета. Один из разделов монографии П. Н. Долженков завершает утверждением, что, вероятно, отношение А. П. Чехова «к человеческим знаниям о мире как предположительным» развивалось под воздействием идей позитивизма [3, с. 44]: однако необходимые здесь подробные выписки из трудов позитивистов, доказывающие факт влияния, в работе не приводятся. В связи с этим П. Н. Долженков делает, на наш взгляд, одно из самых спорных утверждений в монографии: «...для решения вопроса о влиянии позитивизма на Чехова не обязательно искать конкретных философов и ученых, конкретные произведения, поскольку влиять мог и сам дух эпохи» [3, с. 44]. Но тогда ни установить, ни опровергнуть, что влияние действительно имело место, невозможно, не говоря о трудности определения, что входит в «дух» конкретной «эпохи», а что не входит.

Но в первую очередь автора монографии интересует поэтика А. П. Чехова, основной метод здесь тот же, что и у В. Я. Линкова и А. С. Собенникова, то есть анализ художественных произведений писателя с целью подтверждения тех или

иных схождений или расхождений предполагаемого мировоззрения А. П. Чехова в данном случае с философией «первого позитивизма». Автор монографии считает, что если идея, высказываемая в художественном произведении, повторяется писателем в письмах, ее можно считать идеей самого писателя (при условии «объективного анализа произведения») [3, с. 11]. На наш взгляд, во-первых, едва ли возможно установить, какой анализ произведения может считаться «объективным» (на это указал и М. Финк в рецензии на первое издание монографии в третьем номере «Чеховского вестника» [17, с. 36]); во-вторых, даже повторение одной и той же (или близкой) идеи в художественном произведении и в нефикциональном тексте не позволяет считать два высказывания тождественными, так как они осуществляются в принципиально разных ситуациях — в художественном произведении мысль высказывается персонажем/действующим лицом или повествователем, который тоже является персонажем, частью художественного мира.

Монографии В. Я. Линкова, А. С. Собенникова и П. Н. Долженкова предлагают ценные сами по себе наблюдения над особенностями поэтики А. П. Чехова, однако в силу некорректной методологии, ложного отождествления идей, высказываемых писателем в его художественных сочинениях (никогда не прямо, если речь идет о крупном художнике, каким является Чехов), и идей, формулируемых им в письмах (дневниках, публицистике и т. д.), не могут претендовать на выявление мировоззрения, «идейной платформы», «религиозно-философской мысли» А. П. Чехова.

Другая проблема интересующих нас исследований, кроме ложного отождествления образа автора в художественных сочинениях Чехова и А. П. Чехова как автора-творца, — игнорирование вопроса о самой (не)возможности влияния той или иной идеи на А. П. Чехова или недостаточное внимание к этому фактору. Наиболее характерный пример здесь — статья Т. Копылович «Мировоззрение Антона Павловича Чехова и философия Артура Шопенгауэра», опубликованная в сборнике «Чехов и Германия» под редакцией В. Б. Катаева и Р.-Д. Клуге [7]. Характерна формулировка исследовательницы: «Если философию Шопенгауэра мы назвали философией жизни (отметим, что «философией жизни» труды А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, А. Бергсона назвали не Т. Копылович. — *А. Д.*), то творчество и взгляды Чехова уместно было бы назвать философией в жизни» [7, с. 118]. Не говоря о неясности последней формулы, очевидно, что творчество писателя и его взгляды, хотя и осознаются автором статьи как разные сущности, в данном случае уравниваются. Но гораздо значительнее и показательнее другой недостаток статьи — нигде в этой работе не обсуждается и даже не упоминается вопрос о том, читал ли А. П. Чехов А. Шопенгауэра вообще и высказывался ли о философии А. Шопенгауэра в письмах. Т. Копылович утверждает, что А. П. Чехов «своим творчеством как бы иллюстрирует философию жизни Шопенгауэра (философию страдания)» [7, с. 119]. Не говоря о том, что литературное творчество не может быть сведено к «иллюстрации» философских положений (если речь идет о писателе, а не о «пишущем философе»), это утверждение требует основательно доказанного факта влияния мыслителя на художника, что Т. Копылович в данном случае игнорирует.

Желая проиллюстрировать близость идей А. Шопенгауэра идеям А. П. Чехова, автор статьи утверждает, что Чехова можно «с уверенностью назвать “собирателем” страданий... Страданиями пронизаны все его повести и пьесы» [Там же]. Во-первых, далеко не во всех повестях и пьесах А. П. Чехова страдание является ключевым чувством (и почему из рассмотрения исключаются рассказы?); во-вторых, страдание — далеко не единственное чувство, представленное в чеховских повестях и пьесах; в-третьих, даже если согласиться с этим утверждением, разве нельзя в таком случае сказать подобное о Ф. М. Достоевском, В. М. Гаршине? В качестве примера «иллюстрирования» А. П. Чеховым идей А. Шопенгауэра Т. Копылович приводит только один фрагмент одной повести («Три года»), цитирует слова Лаптева: «Сделал глупость, теперь уже не поправишь. Надо философски относиться...» Т. Копылович комментирует: «Не имел ли в виду здесь Чехов шопенгауэровкой философии страдания?» [Там же]. Почему именно ее, а не, например, философии античных стоиков, с которой (как минимум с сочинениями Марка Аврелия) А. П. Чехов точно был хорошо знаком? Очевидно, что слова персонажа не дают достаточных оснований для поисков конкретного «философского источника». Ближе к концу статьи автор пишет, что Чехов «заставляет своих героев страдать, но он и сам страдает вместе с ними», так как «всегда пишет с живой природы, значит, живых людей из повседневной жизни» [7, с. 121]. Не говоря о спорности последнего утверждения (уподобления А. П. Чехова художнику, «зарисовывающему» людей и окружающую действительность, «списывающему» с них), снова отметим ложное отождествление образа автора в произведениях Чехова и А. П. Чехова как автора-творца этих произведений.

Еще одна работа, не имеющая, на наш взгляд, достаточно убедительного обоснования проводимому сопоставлению, — статья Р. С. Спивак «Чехов и экзистенциализм» из иркутского сборника «Философия А. П. Чехова» (2008). Автор начинает ее полемическим утверждением о том, что в истории чеховедения ее «поражает одна странность»: в исследованиях творчества Чехова «есть блестящие интерпретации отдельных произведений писателя в духе экзистенциализма, но вне постановки вопроса об экзистенциализме Чехова» [14, с. 193]. Вопрос и не может быть поставлен в такой форме («экзистенциализм Чехова»), поскольку экзистенциализм — это конкретное философское (и/или литературное) направление, возникшее значительно позже чеховской жизни, говорить об «экзистенциализме Чехова» некорректно, это анахронизм. Р. С. Спивак пишет о «явной типологической общности» творчества А. П. Чехова и «литературного направления европейского экзистенциализма» («абсурдность мира, его непрозрачность для разума и безучастность к человеку, исключительная ценность человеческой индивидуальности» и т. д.) [14, с. 193–194]. Во-первых, из этой формулировки следует, что речь в статье пойдет о связях творчества А. П. Чехова с экзистенциализмом именно как литературным направлением, но не философским; автор не оговаривает, разделяет ли эти два явления или считает их чем-то единым или взаимопереходящим одно в другое. Во-вторых, утверждение о релевантности экзистенциалистских мотивов

творчеству А. П. Чехова требует детального доказательства релевантности каждого из них; даже при поверхностном взгляде очевидно, что каждый такой случай потребует большого числа оговорок, уточнений, учета действительной творческой эволюции А. П. Чехова. Но главный вопрос: что даст (пусть даже успешное) соотнесение идей произведений А. П. Чехова с идеями произведений писателей-экзистенциалистов? Что нового это сопоставление может открыть в творчестве А. П. Чехова? Например, Р. С. Спивак пишет о том, что мотив сизифова труда «займет видное место в творчестве Камю», но что этот мотив «намечен уже Чеховым» [14, с. 195]. Но что из этого следует в отношении Чехова? Или автор статьи видит у А. П. Чехова «структуру гротеска, фиксирующую абсурдность, отсутствие упорядоченной структуры самой действительности, предвещающую стилевой гротеск Сартра и Камю» [14, с. 199]. Опять же, даже если признать сходство, что нового оно сообщает о поэтике А. П. Чехова? В конце статьи, в выводе, автор утверждает, что в «антиномичности художественного мира» А. П. Чехова «отчетливо обнаруживает себя феномен русского экзистенциализма» [14, с. 208]. До этого русский экзистенциализм не упоминался в работе вообще, речь шла только о Чехове и французских экзистенциалистах. Русский экзистенциализм и связь с ним творчества А. П. Чехова (если о ней можно говорить) — отдельная тема. Как видно, автор статьи не артикулирует ни достаточных оснований для проводимого сопоставления, ни ясного смысла для него.

Примеры методологических ошибок и неточностей в интересующих нас исследованиях можно было бы продолжить, однако можно ли привести примеры работ, избегающих названных выше изъянов и противоречий? Сначала заметим, что многим исследователям, интересующимся прежде всего поэтикой А. П. Чехова, в частности религиозно-философскими идеями в его художественных сочинениях (т. е. образом автора в рассказах, повестях и пьесах А. П. Чехова), удастся не отождествлять эти идеи и мировоззрение реального человека А. П. Чехова. В иркутском сборнике «Философия А. П. Чехова» — 25 статей, из них как посвященные мировоззрению самого А. П. Чехова заявлены только шесть (кроме цитировавшихся выше: «Концепция и образы культуры у Чехова» Н. Е. Разумовой, «Чехов и позитивизм: философия героев “малых дел”» Б. Оляшека, «А. П. Чехов и стоики» А. С. Собенникова, «Субъективация времени в эпистолярной А. П. Чехова: морбуальный код» В. Ф. Стениной). Большая часть статей в сборнике посвящена изучению идей как составляющих поэтики Чехова без проекции на мировоззрение самого писателя¹.

¹ См., например: Комаров С. А. Линия Лопухин — Трофимов в комедии А. П. Чехова «Вишневый сад»: философские обертоны // Философия А. П. Чехова: материалы международной научной конференции (Иркутск, 27 июня — 2 июля 2006 г.) / под редакцией А. С. Собенникова. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2008. С. 107–113; Кубасов А. В. О статусе очеркового и научного дискурса в рассказе А. П. Чехова «Встреча» // Там же. С. 114–121; Плеханова И. И. Человек времени в прозе А. Чехова «Степь» и «Скучная история» // Там же. С. 132–145.

Однако и среди исследований 1990-х–2000-х гг., посвященных «религиозно-философской мысли» А. П. Чехова, мировоззрению Чехова-человека, есть примеры удачных, методологически корректных работ. Например, статья Сибилле Гоффманн «Чехов и Фрейд. Психоаналитическая интерпретация мотива супружеской измены в рассказах Чехова», опубликованная в упомянутом выше сборнике «Чехов и Германия» [2]. Работа особенно ценна в методологическом плане: автор сразу оговаривает то, что А. П. Чехов, по всей видимости, не был знаком с работами З. Фрейда (Фрейд ни разу не упоминается в письмах Чехова), и речь пойдет о переключках, но не о влиянии; кроме того, С. Гоффманн четко разграничивает образ автора в художественных произведениях Чехова и А. П. Чехова как автора-творца: методика ее исследования опирается на «четкое разграничение биографии Чехова, с одной стороны, и его творчества — с другой. Человек Антон Чехов не может быть пациентом в... исследовании» [2, с. 147]. И далее по поводу интересующего мотива автор настаивает, что представления А. П. Чехова «о браке и сексуальности» можно искать в его письмах, но не в художественных сочинениях, но даже анализ писем и других нефикциональных высказываний не гарантирует полноты постижения чеховских взглядов [2, с. 155]. С. Гоффманн четко осознает ненадежность метода, который А. С. Собенников назвал «перекодировкой образной системы... в метафизические категории» и заранее отказывается от такого подхода, развернуто и убедительно аргументируя свое решение.

В том же сборнике «Чехов и Германия» есть и другая методологически корректная статья о «религиозно-философской мысли» А. П. Чехова — работа А. Б. Криницына «Проблема “вырождения” у Чехова и Макса Нордау». В отличие от Т. Копылович, А. Б. Криницын подробно пишет об истории публикаций М. Нордау в России и, ссылаясь на письма, о чтении и восприятии М. Нордау А. П. Чеховым. На фактическом материале, цитируя в подтверждение почти десяток чеховских писем, автор статьи убедительно показывает, что проблема вырождения заинтересовала А. П. Чехова «гораздо ранее 1893 года и независимо от его знакомства с творчеством Нордау» [8, с. 169]. По мнению А. Б. Криницына, если М. Нордау «все индивидуальные особенности изображаемых им художников стремится представить как болезненные симптомы», то А. П. Чехов — наоборот, «изображает больных лишь постольку, поскольку они являются характерами или постольку они картинны» [8, с. 170]. В отличие от М. Нордау, у А. П. Чехова «нет однозначного отношения ни к декадентам, ни к “нервному веку”» [Там же, с. 174]. А. Б. Криницыну удается весьма убедительно раскрыть конкретный аспект чеховского мировоззрения, но аспект весьма частный, если не сказать специальный.

Как видим, при соблюдении корректной методологии исследователь религиозно-философской мысли А. П. Чехова оказывается весьма строго ограничен в материале (не столь многочисленном, как того хотелось бы), а сама проблема предстает едва ли окончательно решаемой. Однако отказ от корректной методологии, от разумного самоограничения и принципов научности приводит к подмене поня-

тий: анализ поэтики рассказов, повестей и пьес А. П. Чехова приравнивается к анализу нефикциональных чеховских текстов, а последние, как и факты действительной биографии писателя, нередко игнорируются ради эффектного (и нужного пишущему) сопоставления мировоззрения А. П. Чехова с той или иной философской системой. С одной стороны, конкретное содержание, «сухой остаток» исследованных религиозно-философской мысли Чехова, созданных в 1990-е–2000-е гг., предстает достаточно скромным, интересующие нас исследования вынуждают в большей степени говорить о проблемах методологии; с другой стороны, очевидно, что сама проблема уточнения чеховского мировоззрения, его религиозно-философских взглядов занимает не последнее по значимости место в современном чеховедении и притягивает к себе исследователей как биографии, так и поэтики и литературных связей А. П. Чехова. Это подтверждается и многочисленностью исследований на эту тему и в 2010-е гг.¹

Литература

1. Бочаров С. Г. Чехов и философия // Филологические сюжеты. Москва: Языки славянских культур, 2007. С. 328–343. Текст: непосредственный.
2. Гоффманн С. Чехов и Фрейд. Психоаналитическая интерпретация мотива супружеской измены в рассказах Чехова // Чехов и Германия / под редакцией В. Б. Катаева, Р.-Д. Клуге. Москва, 1995. С. 146–155. Текст: непосредственный.
3. Долженков П. Н. Чехов и позитивизм. 2-е изд. Москва: Скорпион, 2003. 218 с. Текст: непосредственный.
4. Зенкин С. Н. Теория литературы: проблемы и результаты. Москва: Новое литературное обозрение, 2018. 368 с. Текст: непосредственный.
5. Капустин Н. Рецензия на книгу: А. С. Собенников. «Между “есть Бог” и “нет Бога”...»: (О религиозно-философских традициях в творчестве А. П. Чехова) // Чеховский вестник. 1997. № 2. С. 12–16. Текст: непосредственный.
6. Катаев В. Б. Истинный мудрец // Философия А. П. Чехова: материалы международной научной конференции (Иркутск, 27 июня — 2 июля 2006 г.): / под редакцией А. С. Собенникова. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2008. С. 68–75. Текст: непосредственный.
7. Копылов Т. Мировоззрение Антона Павловича Чехова и философия Артура Шопенгауэра // Чехов и Германия / под редакцией В. Б. Катаева, Р.-Д. Клуге. Москва, 1995. С. 115–122. Текст: непосредственный.
8. Криницын А. Проблема «вырождения» у Чехова и Макса Нордау // Чехов и Германия / под редакцией В. Б. Катаева, Р.-Д. Клуге. Москва, 1995. С. 165–180. Текст: непосредственный.
9. Линков В. Я. Скептицизм и вера Чехова. Москва: Изд-во МГУ, 1995. 79 с. Текст: непосредственный.

¹ См., например: Философия Чехова: материалы международной научной конференции (Иркутск, 2–6 июля 2011 г.). Иркутск: Изд-во ИГУ, 2011; Одесская М. М. Чехов и проблема идеала. Москва: Изд-во РГГУ, 2011; Звизняцкий В. Я. Аксиография Чехова. Система ценностей «чеховского интеллигента» в жизни и творчестве писателя, в современном мире и в школьном изучении: пособие для учителя. Винница: Нова книга, 2012; Банзелюк Н. П. Жить по Чехову. Русская идея в жизни и творчестве великого русского писателя Антона Чехова. Таганрог: Антон, 2019.

10. Одесская М. М. Рецензия на книгу: Линков В. Я. Скептицизм и вера Чехова // Чеховский вестник. 1997. № 2. С. 20–21. Текст: непосредственный.
11. Оляшек Б. Чехов и позитивизм: философия героев «малых дел» // Философия А. П. Чехова: материалы международной научной конференции (Иркутск, 27 июня — 2 июля 2006 г.) / под редакцией А. С. Собенникова. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2008. С. 122–132. Текст: непосредственный.
12. Собенников А. С. А. П. Чехов и стоики // Философия А. П. Чехова: материалы международной научной конференции (Иркутск, 27 июня — 2 июля 2006 г.) / под редакцией А. С. Собенникова. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2008. С. 168–180. Текст: непосредственный.
13. Собенников А. С. «Между “есть Бог” и “нет Бога”...»: (О религиозно-философских традициях в творчестве А. П. Чехова). Иркутск. Изд-во ИГУ, 1997. 222 с. Текст: непосредственный.
14. Спивак Р. С. Чехов и экзистенциализм // Философия А. П. Чехова: материалы международной научной конференции (Иркутск, 27 июня — 2 июля 2006 г.) / под редакцией А. С. Собенникова. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2008. С. 193–208. Текст: непосредственный.
15. Теория литературы: учебное пособие: в 2 томах / под редакцией Н. Д. Тамарченко. Т. 1: Н. Д.Тамарченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. Москва: Академия, 2004. 514 с. Текст: непосредственный.
16. Тюпа В. И. Теория литературы: учебник. Москва: Изд-во РГГУ, 2024. 254 с. Текст: непосредственный.
17. Финк М. Рецензия на книгу: Долженков Петр. Чехов и позитивизм // Чеховский вестник. 1998. № 3. С. 35–38. Текст: непосредственный.
18. Хализев В. Е. Теория литературы: учебник. 4-е изд., испр. и доп. Москва: Высшая школа, 2004. 405 с. Текст: непосредственный.
19. Чудаков А. П. «Между “есть Бог” и “нет Бога” лежит целое громадное поле...». Чехов и вера. URL: https://magazines.gorky.media/novy_mi/1996/9/mezhdu-est-bog-i-net-boga-lezhit-czeloe-gromadnoe-pole.html (дата обращения: 05.05.2024). Текст: электронный.
20. Щербакова А.; Бондарев А. Философия Чехова. О конференции: «Философия Чехова» (Иркутск, 27–30 июня 2006 г.) // Чеховский вестник. 2006. № 19. С. 113–117. Текст: непосредственный.
21. Степанов С. П. Гносеологическая концепция чеховской прозы В. Б. Катаева в свете субъективации чеховского повествования // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 5. С. 130–137. Текст: непосредственный.
22. Скафтымов А. П. О повестях Чехова «Палата № 6» и «Моя жизнь» // Нравственные искания русских писателей: статьи и исследования о русских классиках / вступительная статья Е. И. Покусаева, А. А. Жук. Москва: Художественная литература, 1972. С. 381–403. Текст: непосредственный.

Статья поступила в редакцию 27.06.2024; одобрена после рецензирования 28.09.2024; принята к публикации 14.10.2024.

"CHEKHOV'S RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL THOUGHT"
IN THE STUDIES OF THE 1990s–2000s

Aleksandr Yu. Denisov
Research Assistant,
Lomonosov Moscow State University
1 Kolmogorova St., Moscow 119991, Russia
audenisov@mail.ru

Abstract. The article analyzes the studies of the 1990s–2000s claimed to be research of “Anton Chekhov’s religious and philosophical thought”. It reveals methodological shortcomings of these works, such as non-distinction between the categories of “image of the author” and “author-creator” (according to N. D. Tamarchenko), which leads to a false identification of the ideas in Chekhov’s works of art and the worldview of the writer himself. An analysis of the poetics of Chekhov’s short stories, novellas and plays is wrongfully and illogically presented in these studies as a way to clarify Chekhov’s attitude to philosophy and religion. The abovementioned studies often ignore or insufficiently discuss the question of the fundamental (im)possibility of the influence of one or another philosophical system on Chekhov, they also often not take into account the facts of Chekhov’s biography, his range of reading and correspondence. A methodologically rigorous research of this topic faces limitations of the material, however it remains relevant for Chekhov scholars.

Keywords: Anton Pavlovich Chekhov, Chekhov studies, philosophy, religion, idea, worldview, image of the author, the author-creator.

For citation

Denisov A. Yu. "Chekhov's Religious and Philosophical Thought" in the Studies of the 1990s–2000s. *Bulletin of Buryat State University. Philology.* 2024; 3: 53–63 (In Russ.).

The article was submitted 27.06.2024; approved after reviewing 28.09.2024; accepted for publication 14.10.2024.